Dr. Н. Н. Баженовъ.

Психологія и Политика.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1906 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Dr. Н. Н. Баженовъ.

Психологія и Политика.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1906 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Психологія и политика.

Для тѣхъ, кто не со вчерашняго дня стоялъ въ рядахъ русской либеральной и радикальной оппозиціи и кто, хотя бы подъ своимъ знаменемъ только, но активно участвовалъ въ русскомъ революціонномъ движеніи въ теченіе истекшихъ съ осени 1905 г. нѣсколькихъ мѣсяцевъ, для тѣхъ даже въ самые бурные моменты борьбы внѣшней—противоправительственной, и внутренней—межпартійной нерѣдко возникали два смущающихъ и грозныхъ вопроса: 1) нѣтъ ли въ той совокупности оппозиціонныхъ настроеній и революціонныхъ актовъ, которые принято называть нашимъ „освободительнымъ движеніемъ", нѣкоторыхъ специфическихъ черть, можетъ-быть, только въ русской дѣйствительности возможныхъ и ею порожденныхъ особенностей, которыя могутъ повлечь за собою худшую изъ реакцій: не ту, которую дѣлаетъ, опираясь на пулеметы, бравый и совершенно эмансипировавшійся отъ всякихъ правовыхъ понятій и нормъ генералъ, полковникъ или даже полковничій денщикъ, а ту, съ которой всего труднѣе бороться, ибо она сама выростаетъ въ почти неприступной цитадели,—въ умахъ даже свободомыслящихъ и совершенно неэгоистичныхъ и въ настроеніяхъ массъ.

Коротко и точно говоря—не существуетъ ли въ рядахъ самой оппозиціонной арміи элементовъ возможнаго раскола, даже вражды, ибо, что бы намъ ни говорили публицисты и ораторы, столь злоупотребляющіе катехизарною терминологіей, самыя жестокія и самыя непримиримыя противорѣчія суть не классовыя противорѣчія, а противорѣчія психологическія. Человѣкъ гораздо легче прощаетъ другому несправедливость, дурные и злобные поступки, неравенство матеріальнаго благополучія и т. д., чѣмъ то, что другой иначе

Библиотека "Руниверс"

крестится и иначе вѣруетъ, чѣмъ онъ. Конечно, жаль, что это такъ, но это такъ, и съ этимъ необходимо считаться.

Второй вопросъ, въ особенности тягостный и мучительный въ тѣ моменты, когда во имя борьбы съ общимъ врагомъ мы должны бы были подъ краткимъ и единымъ лозунгомъ, въ родѣ вольтеровскаго écrasez l'infâme, забывъ и внутреннія распри и то расхожденіе путей, которое неизбѣжно только потомъ, по достиженіи перваго этапа, а до тѣхъ поръ всѣмъ вмѣстѣ по дорогѣ, когда, я говорю, во имя общаго рѣшительнаго натиска должны бы были сплотиться противъ единаго общаго врага всѣ оппозиціонныя группы— это знаменитый и столь часто дебатировавшійся вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли намъ (русскимъ либеральнымъ и радикальнымъ политическимъ группамъ) отмежеваться отъ крайнихъ лѣвыхъ группъ?

Для этихъ группъ онъ давно (по крайней мѣрѣ теоретически) рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, ибо „недалекъ тотъ часъ, когда революція первымъ взмахомъ своимъ отброситъ прочь ту партію либеральнаго маразма... политическія задачи которой — оторвать интеллигенцію отъ революціи, подчинить интеллигенцію экономическимъ интересамъ буржуазіи, обезсилить борющійся народъ *)“.

Но для насъ, но для меня, онъ, конечно, ни прежде ни теперь такъ категорически не рѣшался, и я только опасаюсь, что между нашими двумя міропониманіями, въ нашихъ психологическихъ реакціяхъ на окружающее, существуютъ такія непримиримости, которыя исключаютъ возможность соглашенія и совмѣстнаго дѣйствія.

Эта статья никакой другой цѣли не имѣетъ, какъ обнажить эти кардинальныя непримиримости, предупредить о возможности, объ ихъ наличности всѣхъ, кого это должно интересовать, и подготовить почву къ соглашенію и компромиссу—возможнымъ, если мы, наконецъ, поймемъ другъ друга, заговоримъ на одинаковомъ языкѣ и будемъ обсуждать равно важные для всѣхъ насъ вопросы и принимать одинаково значительныя для каждаго изъ насъ рѣшенія, находясь въ тождественномъ психо-политическомъ измѣреніи.

*) Л. Тахоцкій. „Господинъ Петръ Струве въ политикѣ“, стр. 71 и 72.

Библиотека "Руниверс"

Нужно быть очень близорукимъ, чтобы думать, что русская революція завершена... И слава Богу, что она еще не завершена! Если бы 140-милліонный народъ перешелъ отъ тысячелѣтней патріархально-приказной деспотіи къ совершенно новому правовому укладу жизни такъ легко, заплативъ за это только цѣною тѣхъ жертвъ, которыя принесены на нашихъ глазахъ, тѣхъ бурь и волненій, которыхъ мы были свидѣтелями, то это, можетъ-быть, было бы даже дешево, но свидѣтельствовало бы объ истощеніи духовной мощи народа и политическаго творчества націи. Представить себѣ это такъ же трудно, и, если бы это случилось, то констатировать это такъ же печально, какъ видѣть юношу, вступающаго въ самую яркую и самую активную эпоху своей жизни безъ волненій, безъ ошибокъ, безъ героическихъ, хотя бы и безумныхъ порывовъ, безъ всего, что свидѣтельствуетъ о томъ, что въ немъ „кровь кипитъ и силъ избытокъ". Это очень благоразумно, и родители могутъ быть довольны и спокойны за него, но объективный наблюдатель съ значительнымъ основаніемъ увидѣлъ бы въ этомъ симптомы бездарности, творческой скудости и преждевременнаго старчества.

Когда у постели роженицы стоитъ врачъ, то онъ не радуется слабости родовыхъ потугъ и тому, что страданія ея не велики, напротивъ, это тревожитъ его, какъ показатель недостаточности жизненныхъ силъ той, которая готовится сдѣлаться матерью. Какъ бы ни жутко было намъ, современникамъ, участникамъ и свидѣтелямъ, но великая повивальная бабка, стоящая у изголовья нашей стонущей родины,—исторія, скажетъ, что только цѣною такихъ ужасныхъ потрясеній, которыя намъ суждено еще увидѣть, и такихъ жестокихъ страданій, которыя по силѣ только великому народу, колоссальная и сложная организація Россіи и могла родить свою свободу, свое право и свое великое будущее. Иначе родилось бы только нѣчто слабое, хилое, и жалкое.

Итакъ, русская революція еще вся въ будущемъ, она надвигается; нужно быть готовымъ къ ней, нужно сумѣть помочь великому творческому акту русской исторіи—къ нашему поколѣнію предъявляется огромное требованіе, отвѣтственность наша предъ всею страною безмѣрно велика, ибо было бы ужасно, если бы der grosse Moment fand ein kleines Geschlecht.

Библиотека "Руниверс"

Нужно предвидѣть также, что задача обновленія Россіи будетъ несравненно сложнѣе и труднѣе, чѣмъ то было на Западѣ, ибо нѣтъ другой страны по самому существу своему, историческому, экономическому, антропологическому и культурно-бытовому, до такой степени демократической, какъ наше отечество, и, во-вторыхъ, время чисто политическихъ революцій давно миновало, и Россія увидитъ борьбу не только за право, но и за землю, и не только за землю, но и за установленіе дѣйствительной соціальной и экономической справедливости.

Итакъ, намъ предстоятъ и еще въ ближайшемъ будущемъ чрезвычайныя потрясенія. Революція грядетъ, и надо къ ней приготовиться. Настоящій моментъ относительнаго успокоенія—малое затишье передъ бурею, и первый громъ же прогремѣлъ въ Таврическомъ дворцѣ еще въ субботу 13 мая. Тучи нависли, и гроза надвигается!

Текущую минуту важно использовать на то, чтобы объективно оцѣнить историко-политическую конъюнктуру, спокойно обсудить положеніе, se recueillir. И самые важные вопросы, это даже не вопросы о ближайшихъ задачахъ и политической тактикѣ Государственной Думы и о методахъ ея борьбы съ чиновничествомъ, которое, какъ ни преступно, все-таки, какъ оказывается, еще болѣе того невѣжественно и тупо. Все это, какъ никакъ,—задачи конкретныя съ опредѣленными данными и хотя и сложными, но опредѣлимыми условіями, а потому рѣшаемыя относительно легко. Неизмѣримо труднѣе рѣшаются и по существу несравненно важнѣе тѣ два вопроса, которые поставлены мною въ началѣ этой статьи. Если революція не совершилась, если она еще надвигается только, то для блага страны во имя всего ея будущаго необходимо, чтобы подъ знаменемъ ея единомышленно шли всѣ тѣ, кому ненавистенъ старый государственный укладъ Россіи, и всѣ, кто искренно желаютъ для отечества полнаго политическаго обновленія и возрожденія. Если то освободительное движеніе, которому мы служимъ, есть наша вѣра, то всего болѣе слѣдуетъ избѣгать среди насъ образованія сектъ, ибо ненависть, озлобленіе, вражда между какими-нибудь монофизитами и монофелитами всегда несравненно острѣе и непримиримѣе, чѣмъ между христіаниномъ и язычникомъ. Преступно и неразумно расходовать силы, нужныя для другого, неизмѣримо болѣе важнаго дѣла,

Библиотека "Руниверс"

на внутреннее межпартійное треніе въ рядахъ оппозиціи, и вотъ почему совершенно необходимо, чтобы въ грядущей борьбѣ не развертывались бы такія знамена, подъ которыми весьма многіе совершенно искренніе борцы за свободу стать не могутъ—не потому, чтобы они были заражены буржуазными инстинктами и боялись бы за свои привилегіи и за свое матеріальное благополучіе, а потому, что они полагаютъ, что внѣ тревогъ, волненій и распрей даннаго историческаго момента и выше „классовыхъ противорѣчій“ и „классовой борьбы“ существуетъ нѣчто безусловное, абсолютно благое, несоизмѣримое ни съ какими партійными программами, долженствующее быть совершенно неприкосновенно для всѣхъ безъ различія и безъ исключенія политическихъ группъ, входящихъ въ кадры великой русской освободительной арміи.

Имя этому священному noli me tangere—*культура*. Она неприкосновенна, потому что это есть *безусловная цѣнность*, созданная жизнью и работою всего человѣчества, ибо зародилась она еще подъ крышкою неандертальскаго черепа, и первый лепетъ ея былъ слышенъ въ нечленораздѣльныхъ гортанныхъ звукахъ, издававшихся яванскимъ антропопитекомъ. То, что сейчасъ цѣликомъ захватываетъ насъ, что стоитъ намъ огромной нравственной и умственной работы, моральныхъ и физическихъ страданій, за что еще, можетъ-быть, придется заплатить потоками крови,—все это только злоба настоящаго историческаго дня, все это соизмѣримо лишь съ такими же равнозначущими въ жизни народовъ и государствъ катаклизмами, отъ которыхъ остаются въ лѣтописяхъ нѣсколько страницъ... Das alles war schon da gewesen!.. Но общее сокровище, принадлежащее всему человѣчеству, наоборотъ, всегда находится „im Werden“, никакое умаленіе его не можетъ быть терпимо; посягательство на это, откуда бы и во имя чего бы оно ни исходило, есть преступленіе—crime de lèse-humanité.

Въ условіяхъ русской дѣйствительности, въ странѣ, которую, какъ извѣстно, „губятъ двѣ напасти—внизу власть тьмы, вверху—тьма власти“, единственный надежный залогъ успѣшной борьбы съ послѣднею и прочной побѣды надъ нею—въ томъ, чтобы создать внизу царство свѣта. Дважды два всегда четыре, сумма угловъ въ треугольникѣ всегда равна двумъ прямымъ, укрѣпленіе и углубленіе культуры

Библиотека "Руниверс"

въ странѣ и укорененіе ея въ широкихъ массахъ населенія есть и было всегда и останется навсегда единственнымъ способомъ обезпечить націи свободу и право, а потому истинный демократизмъ требуетъ не просто бережнаго отношенія къ этому высшему благу, этому единому необезцѣниваемому достоянію человѣчества, а даже *піэтета*. А потому, если въ пережитомъ нами недавнемъ прошломъ были особенности и черты, представляющіяся намъ, политической группѣ, бывшей и находящейся въ оппозиціи и дорогою цѣною купившей себѣ право считаться въ рядахъ освободительной арміи,—если, говорю я, были такія особенности, которыя, хотя бы и носили революціонный характеръ, но намъ все-таки представляются отрицательными, то нужно теперь же, загодя, отмѣтить это и опредѣлить ихъ изъ опасенія, что повтореніе ихъ, какъ только снова подымется революціонная волна, вызоветъ расколъ среди тѣхъ именно, отъ кого данный историческій моментъ требуетъ прежде всего единенія. И если въ нашей общей атакѣ на чудовище россійскаго приказнаго самодержавія намъ все-таки должно будетъ отмежеваться отъ нашихъ, если нельзя сказать союзниковъ, то, по крайней мѣрѣ, соратниковъ слѣва, то необходимо, чтобы не оставалось ни для кого никакого сомнѣнія въ томъ, что́ именно насъ раздѣляетъ. А раздѣляютъ насъ вовсе не „классовыя противорѣчія“, а противорѣчія философско-общественнаго и политическаго міросозерцанія. И налѣво и направо отъ насъ порубежная грань проходитъ не тамъ, гдѣ начинаются наши опасенія за наше „мѣщанское благополучіе“, а тамъ, гдѣ становится очевидной несовмѣстимость истинныхъ свободомыслія и свободолюбія съ практикою власти или тактикою и пріемами революціонной борьбы. Раздѣляютъ насъ наши mentalités—наши умственные навыки, наши методы мышленія.

Настоящее свободомысліе — не потому, чтобы оно было выраженіемъ „мѣщанства — строя души современнаго представителя командующихъ классовъ“ *), главныя задачи коего „задержать процессъ нормальнаго развитія классовыхъ противорѣчій“, а потому, что оно есть *свободомысліе*,—органически непримиримо ни съ какимъ сектантствомъ, ни съ

*) Все, что взято на этой и слѣдующей страницѣ въ ковычки, принадлежитъ М. Горькому. Замѣтки о мѣщанствѣ. „Новая Жизнь“, 1905 г. № 1 и № 4.

Библиотека "Руниверс"

византiйскою схоластикой самодержавiя, ни съ доктринерствомъ якобинства. Мы все-таки огромное большинство нацiи, и мы не желаемъ быть битыми ни тѣмъ ни другимъ концомъ все той же палки; мы также одинаково враждебно относимся и къ чиновничьимъ указамъ и къ декретамъ совѣта рабочихъ депутатовъ, ибо между ними нѣтъ разницы по существу, такъ какъ и тѣ и другiе—приказы меньшинства большинству. Мы считаемъ преступнымъ безумiемъ думать, что реальную жизнь огромной страны можно затискать на Прокустово ложе той или иной партiйной программы, хотя бы на ней и стояла марка made in germany; мы отрицаемъ, чтобы живыхъ людей съ плотью, кровью и нервами и конкретными интересами, а не нѣкоторыхъ абстрактныхъ гражданъ можно было загнать въ теоретическiй рай, — у кого бы въ карманѣ ни находились ключи отъ него—у станового или жандарма, представителей патрiархально-попечительнаго самодержавiя, или у пролетарiата, который ожидаетъ только грядущаго часа своей диктатуры, чтобы распахнуть врата его настежь.

Мы достаточно знакомы съ исторiей, чтобы твердо памятовать, что всего болѣе насилiя и жестокости было брошено въ мiръ, всего болѣе эшафотовъ было воздвигнуто и всего болѣе зажжено костровъ именно тѣми, кто вѣровалъ въ спасительность единой доктрины, которая обновитъ мiръ, облагодѣтельствуетъ человѣчество и обезпечитъ каждому, временное—на землѣ, или, вѣчное—на небѣ, блаженство.

Нѣтъ! Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка.

Нужно обладать совершенно безпардоннымъ тщеславiемъ и безнадежно утратить мѣру выраженiй и цѣнность словъ, чтобъ имѣть дерзость сказать, что мѣщанство изобрѣло *гуманизмъ* для того, чтобы „дать людямъ вмѣсто хлѣба насущнаго мыльные пузыри“, и страдать столь же круглымъ невѣжествомъ, несчастнымъ ослѣпленiемъ или моральнымъ дальтонизмомъ, чтобы не понимать, что гуманизмъ не есть изобрѣтенное мѣщанами или кѣмъ бы то ни было другимъ „орудiе защиты противъ напора справедливости“, а есть душевное настроенiе, предполагающее такой комплексъ чувствованiй и убѣжденiй, который несравненно значительнѣе, чѣмъ сама справедливость, ибо, во-первыхъ, цѣлое больше своей части и, во-вторыхъ, справед-

Библиотека "Руниверс"

ливость бываетъ разная подъ различными широтами и въ различныхъ бытовыхъ, историческихъ, этнографическихъ и экономическихъ условіяхъ, а гуманизмъ, полагающій въ человѣческой личности самоцѣль, есть активное психологическое состояніе, не ограниченное временными и преходящими условіями и находящееся внѣ и выше всякой данной исторической, соціальной или политической конъюнктуры. Тѣ, которые не могутъ понять этого, несчастны сами и несутъ горе для своей страны и своихъ современниковъ.

Въ Россіи совершается великая борьба за освобожденіе— та борьба, которую нація можетъ переживать только одинъ разъ въ нѣсколько столѣтій, иначе она этого не вынесетъ, какъ не можетъ вынести индивидуальный организмъ нѣсколько приступовъ острой болѣзни подъ рядъ. Ужасно мыслить, что въ такой историческій моментъ цѣлая значительная группа дѣятелей, которымъ мѣсто рядомъ съ нами въ одной и той же дружинѣ, надѣла на глаза шоры изъ брошюрныхъ вульгаризацій марксизма и способна измѣрять всѣ явленія русской общественной и политической мысли и русскаго освободительнаго движенія только западно-европейскимъ, вышедшимъ изъ національныхъ мастерскихъ 1848 г. масштабомъ. Нужды нѣтъ, что „классовое самосознаніе“ русскаго дворянства и никогда не существовало въ западно-европейскихъ формахъ да и въ русскихъ давно уже зачахло и умираетъ, а „классовое самосознаніе“ денежной буржуазіи, даже въ устроенной графомъ Витте оранжереѣ, не успѣло развиться и сложиться. Нужды нѣтъ, что русское революціонное и оппозиціонное ополченіе было всегда и оставалось совершенно безсословнымъ и внѣклассовымъ, и что и теперь огромное большинство всѣхъ тѣхъ, кого такъ охотно заподозрѣваютъ въ желаніи „эскамотировать революцію въ свою пользу“ и „руками народа добыть политическую свободу и закрѣпить экономическое рабство“ и т. п., на самомъ дѣлѣ совершенно не имѣютъ буржуазныхъ вожделѣній и даже въ значительной части своей не имѣютъ основанія руководиться „классовыми интересами“ экономически обезпеченныхъ группъ населенія. Нужды нѣтъ, что, если члены бывшаго союза освобожденія и земско-конституціонной фракціи и теперешнихъ парламентскихъ партій народной свободы и демократическихъ реформъ и др. единомышленныхъ группъ русскаго общества, не рѣшаются выставлять въ сво-

Библиотека "Руниверс"

ихъ программахъ, напр., немедленное осуществленіе 8-часового рабочаго дня и немедленное же уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, то это, конечно, не потому, чтобъ имъ было страшно за свои карманы, за цѣнность биржевыхъ акцій и паевъ промышленныхъ предпріятій, которыхъ большинство изъ нихъ и въ глаза никогда не видало, и что даже самымъ недобросовѣстнымъ противникамъ должно бы было быть ясно, что они не дѣлаютъ этого только потому, что не видятъ возможности провести такія экономическія реформы въ жизнь, не создавъ столь чрезвычайныхъ потрясеній страны не только внутри ея, но и въ ея международномъ положеніи, что она не выдержитъ ихъ ни экономически ни политически... Нужды нѣтъ! По нѣмецкимъ учебникамъ выходитъ, что либералы должны въ дни революціи непремѣнно обездолить народъ, а, такъ какъ нѣтъ Бога, кромѣ Маркса, а Каутскій—его пророкъ, и, такъ какъ всякіе догматы вѣры безусловны и безотносительны—иначе къ чему же и вѣра?—то такъ есть, такъ будетъ и у насъ. Менѣе наивные и болѣе искусные полемисты слѣва и сами замѣтили, что странно и смѣшно укорять русскихъ либераловъ, кадетовъ и иныхъ дѣятелей политической оппозиціи, которая почти сплошь состоитъ изъ имущественно-необезпеченныхъ людей интеллигентнаго труда, въ томъ, что „у нихъ уродливо развитое чувство собственности", и они предпочитаютъ поэтому посылать намъ свои полемическія стрѣлы въ тотъ флангъ, который кажется имъ болѣе уязвимымъ, и упрекаютъ насъ въ недостаткѣ демократизма, въ стремленіи къ политическому господству и руководительству, въ желаніи власти надъ народомъ.

Вотъ по этому пункту, дѣйствительно, намъ необходимо объясниться и размежеваться.

Всеобщее избирательное по пятичленной формулѣ право. Двухпалатная или однопалатная система. Учредительное Собраніе. Демократическая республика.

Вся эта митинговая діалектика въ зубахъ навязла.

Вся эта аргументація извѣстна каждому, какъ таблица умноженія.

Не объ этомъ собираюсь говорить я теперь, ибо это только фасадъ зданія, только техника государственнаго строительства; важно и значительно другое: опредѣленіе пониманія и осуществленія самаго принципа демократизма.

Библиотека "Руниверс"

Въ него входятъ, съ моей точки зрѣнія, два компонента: во-первыхъ, принципъ народовластія, во-вторыхъ, принципъ приспособленія всей государственной и національной жизни къ нуждамъ и въ интересахъ народа, т.-е. того огромнаго большинства, на которое до сихъ поръ падала вся тягота поддержанія въ исправности государственнаго механизма, взамѣнъ чего этотъ механизмъ тщательно пріуроченъ былъ къ служенію интересамъ обезпеченнаго и привилегированнаго меньшинства. Объ этомъ второмъ компонентѣ здѣсь никакого спора быть не можетъ. Переставить рычаги этого механизма такъ, чтобъ онъ служилъ преимущественно широкимъ слоямъ трудящихся массъ, это—просто дѣло соціальной справедливости и, какъ таковое, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, если не въ видѣ конкретныхъ ближайшимъ образомъ реализуемыхъ требованій, введено въ программы даже тѣхъ либерально настроенныхъ политическихъ группъ, которыя стоятъ правѣе конституціонно демократической партіи.

Центръ тяжести въ первомъ компонентѣ—въ вопросѣ о народовластіи и формахъ его осуществленія. Здѣсь не только возможны, но и вѣроятны значительныя разногласія между нашими политическими сосѣдями. Именно здѣсь необходимо провести границу и отмежеваться и направо и налѣво.

Сдѣлать это направо — легко и просто, ибо именно справа разверзаетъ свои ядовитыя пасти многоголовая гидра самодержавія.

Труднѣе провести границу слѣва, ибо для этого необходимо точное опредѣленіе принципа народовластія и формъ его реализаціи.

Непосредственное народовластіе, прямое участіе всего народа въ устроеніи своихъ судебъ и судебъ страны, осуществимое только въ первобытныхъ общинахъ и кланахъ или въ античныхъ аристократическихъ республикахъ, очевидно, совершенно неосуществимо въ современномъ огромномъ и сложномъ государственномъ организмѣ. Рѣчь, слѣдовательно, можетъ итти только объ осуществленіи народной воли черезъ выборныхъ его представителей.

Въ рѣшеніи вопросовъ организаціи государственной власти и управленія многомилліонными народными массами обычно упускается изъ виду или умышленно замалчивается одинъ факторъ, несравненно болѣе значительный и болѣе

Библиотека "Руниверс"

опредѣляющій, чѣмъ всякіе иные историческіе, бытовые или экономическіе факторы, — это факторъ психологическій.

Можно изобрѣтать какія угодно политическія и соціальныя системы; можно любымъ способомъ и въ угоду любой доктринѣ схематизировать взаимоотношенія людей между собой,—все это совершенно безплодное занятіе, „игра ума", ибо всякія геометрическія построенія обществъ и взаимоотношеній составляющихъ его членовъ роковымъ образомъ разбиваются объ основные элементарные и непреложные законы человѣческаго духа.

Въ основѣ всякаго соціальнаго и политическаго устройства лежатъ не историческіе антецеденты страны и не экономическіе интересы, а мозгъ, нервы и антропологическія характеристики ея гражданъ. Неправда, будто большинство желаетъ выраженія своей воли и своей мысли. Объективное наблюденіе учитъ совершенно иному: огромное большинство жаждетъ подчиненія, ждетъ приказа; основная черта массъ— внушаемость и подражательность, и это, можетъ-быть, никогда не бросалось въ глаза съ такою очевидностью, какъ въ дни русской революціи. Въ силу этого основного закона психологіи, по которому все человѣчество дѣлимо на двѣ весьма неравномѣрныя группы,—на малое число внушающихъ и на огромное большинство внушаемыхъ, всякій видъ власти, всякій видъ общественнаго или политическаго уклада, какое бы онъ имя ни носилъ,—деспотіи или республики, монархіи неограниченной или конституціонной,— сводится въ конечномъ анализѣ къ одной и той же формѣ, къ *олигархіи*. Это, можетъ-быть, очень непріятно для тѣхъ, кто желалъ бы устроить человѣческое общежитіе по теоретически измышленному болѣе совершенному или даже идеальному типу, но что же дѣлать?!—съ этимъ приходится помириться, какъ приходится помириться съ законами тяготѣнія, хотя было бы, вѣроятно, много пріятнѣе и удобнѣе, если бы сорвавшаяся вывѣска не падала на голову прохожему, а оставалась бы висѣть въ воздухѣ.

Итакъ, реально передъ нами стоитъ задача ясная и опредѣленная—*демократизировать олигархію*. Въ практическомъ осуществленіи это сводится къ тому, чтобы на мѣсто застывшей наверху и изжившей самое себя власти организовать постоянный притокъ наверхъ новыхъ талантовъ,

Библиотека "Руниверс"

силъ и энергій изъ широкихъ массъ населенія. Въ этомъ и въ реальной возможности для этихъ освобожденныхъ массъ непрестанно осуществлять свое право контроля заключается все содержаніе великаго принципа демократизма.

И вотъ здѣсь, по моему личному[1]) убѣжденію, и проходятъ наши границы слѣва.

Какъ показалъ опытъ нашей бурной эпохи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ осени 1905 года, практика лѣвыхъ сводилась къ *непосредственно осуществляемой демократизаціи*, что, съ моей точки зрѣнія, есть не что иное, какъ медіократизація (отъ mediocritas — посредственность) или, если этотъ неологизмъ слишкомъ неуклюжъ, скажемъ вульгаризація, охлократизація: опошленіе, передача власти толпѣ, врученіе руководства улицѣ.

Ради характеристики этой тенденціи приведу эпизодъ изъ этой нашей новѣйшей исторіи послѣдняго полугодія, незамѣченный, я думаю, большинствомъ за рядомъ другимъ болѣе крупныхъ и яркихъ событій, но близко изученный мною, по моему профессіональному положенію, и на мой взглядъ чрезвычайно типичный въ качествѣ иллюстраціи къ тому, что большевистская фракція с.-д. считаетъ одной изъ главнѣйшихъ характеристикъ революціоннаго періода и однимъ изъ существенныхъ методовъ творчества народа. У апологета этихъ новыхъ пріемовъ политической дѣятельности, г-на Ленина[2]), это движеніе опредѣляется какъ „созданіе революціонными слоями населенія новыхъ органовъ революціонной власти внѣ всякихъ законовъ и нормъ (даже, осмѣлюсь прибавить отъ себя, въ томъ числѣ и нормы здраваго смысла)... опираясь на народную массу, и въ этомъ основное отличіе этой новой власти отъ всѣхъ прежнихъ органовъ власти“ (ужъ будто? какъ же, напр., монархическое самодержавіе существовало и существуетъ теперь, если оно не опирается на народную массу?—и развѣ понятія

1) Я не хочу ни въ какой мѣрѣ дѣлать отвѣтственной за изложенныя здѣсь сужденія мои ту политическую партію, къ которой я имѣю честь принадлежать.

Н. Б.

2) *Ленинъ*. „Побѣда кадетъ и задачи рабочей партіи“, стр. 46 и слѣд.; вообще всю эту главу, носящую спеціальное заглавіе: „Общественная бесѣда съ кадетскими публицистами и учеными профессорами“, особенно рекомендую вниманію читателей, какъ типичный образчикъ партійной софистическо-полемической діалектики.

Библиотека "Руниверс"

„народная масса“ и „революціонные слои населенія“ суть понятія тожественныя?)

Такъ вотъ, въ качествѣ такой любопытнѣйшей и специфической для исторіи русской революціи картинки того, какъ проявилась „самодѣятельность народа, избавляющагося отъ полицейскихъ путъ“, и въ какихъ формахъ реализовались „органы власти народа, рабочихъ и крестьянъ надъ... кучкой привилегированныхъ дворянъ и чиновниковъ“, я долженъ разсказать здѣсь о попыткахъ *демократизировать* больничныя учрежденія въ Москвѣ, Петербургѣ и многихъ другихъ городахъ,—попыткахъ тѣмъ болѣе интересныхъ, что онѣ совершенно оригинальны, ибо ничего подобнаго, конечно, никогда не бывало и не могло быть ни въ какихъ, хотя бы самыхъ демократическихъ государствахъ,—Америкѣ, Норвегіи или Швейцаріи, и ни въ какія, даже самыя бурныя и смутныя эпохи (напр., Франція въ концѣ XVIII в. или Парижъ во время коммуны). Такое движеніе могло возникнуть только въ странѣ, гдѣ культура и знаніе никогда въ авантажѣ не обрѣтались, только въ Россіи да развѣ еще можно себѣ представить это гдѣ-нибудь въ южно-американскихъ республикахъ.

Фактически это курьезное движеніе, потребовавшее, однако, значительныхъ усилій для борьбы съ нимъ и могущее, вѣроятно, возникнуть и снова, сводилось къ слѣдующему: не только всѣ врачи, служащіе въ больницѣ, совершенно независимо отъ возраста, опыта и знанія, признавались равноцѣнными другъ другу, но предполагалось, что въ управленіи больницею одинаково заинтересованы всѣ служащіе въ ней— и средній фельдшерскій персоналъ (кстати замѣтить, у насъ, въ Россіи, очень пестрый по своему составу — въ него на ряду съ лицами, имѣющими хорошее среднее образованіе и и достаточную спеціальную подготовку, это касается въ особенности женщинъ, входитъ и порядочный контигентъ часто полуграмотныхъ, такъ называемыхъ—ротныхъ фельдшеровъ), и низшая прислуга какъ палатная, такъ и дворовая (которая—увы!—у насъ не имѣетъ никакого ценза и рекрутируется даже на Хитровомъ рынкѣ среди городского Lumpenproletariat'а). Поэтому все управленіе больницами должно быть вручено правленію, избраннымъ ad hoc—натурально—всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ—представителямъ въ равномъ числѣ отъ всѣхъ трехъ кате-

Библиотека "Руниверс"

горій больничныхъ служащихъ—врачей, средняго и низшаго персонала. Въ нѣкоторыхъ больницахъ (въ Петербургѣ и въ Харьковѣ) дѣло дошло даже до революціоннаго низложенія главнаго врача, торжественно вывезеннаго за предѣлы больницы въ тачкѣ... Конечно, въ этомъ движеніи можно было при внимательномъ наблюденіи разглядѣть игру неудовлетворенныхъ самолюбій, завистей, сводимыхъ старыхъ счетовъ, но не это было главною причиною. Я принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ этимъ, игралъ весьма активную роль на всякихъ медицинскихъ митингахъ и совѣщаніяхъ и могу засвидѣтельствовать, что большинство сторонниковъ этого движенія руководилось трогательно-наивною вѣрою въ то, что такимъ способомъ уже отчасти осуществляется великій принципъ демократизаціи внутреннихъ государственныхъ взаимоотношеній и, хотя бы и частично, но осуществляется „диктатура революціоннаго народа“.

На этомъ примѣрѣ, конечно, не трудно показать, что такая демократизація по существу равна отрицанію значенія науки и цѣнности спеціальныхъ знаній и опыта, ибо стоило бы только пойти еще дальше въ вѣрности демократическимъ принципамъ и демократической техникѣ и обратиться съ референдумомъ къ тѣмъ, для кого больницы выстроены, къ больнымъ или ихъ родственникамъ и тогда надо полагать, эта демократическая реформа не получила бы санкціи.

Но въ странѣ, гдѣ культурныя традиціи и навыки до такой степени непрочны и ничтожны, что возможно было только что описанное мною движеніе, которое въ сущности можно резюмировать въ краткой формулѣ: „и смѣхъ и грѣхъ“— въ такой странѣ мыслимы и иныя менѣе очевидныя, но столь же опасныя покушенія на неприкосновенныя общія блага, и здѣсь, когда уже рѣчь заходитъ о культурныхъ цѣнностяхъ и культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, которыми такъ бѣдна Россія, необходимо во имя общихъ, совершенно „внѣклассовыхъ“ интересовъ воскликнуть: „довольно, руки прочь“!

Въ вопросѣ о степени демократичности насъ, якобы зараженныхъ классовыми интересами, политически оппозиціонныхъ группъ, граница и справа и слѣва опредѣляется ясно и категорически. Направо отъ насъ самодержавіе, которое чудовищно прежде всего потому, что то муро, которымъ помазуются на царство монархи, растекается по всѣмъ приказнымъ лбамъ и капельки его блестятъ на челѣ послѣдняго

Библиотека "Руниверс"

урядника и городового. Налѣво—иной суверенитетъ, воля народа и къ ней мы готовы относиться съ довлѣющимъ ей почтеніемъ, но мы знаемъ, какъ легко подмѣнить ее волею толпы и самодержавіемъ черни, и ко всякой диктатурѣ, хотя бы даже его величества пролетаріата, предъ которымъ на недавнихъ и еще незабытыхъ митингахъ насъ приглашали преклонить колѣна, относимся одинаково и непримиримо отрицательно и враждебно.

Все это нужно и важно сказать теперь же.

То, что мы пережили—цвѣточки, ягодки впереди.

Революція грядетъ. Ради спасенія страны, ради достиженія единой самоважнѣйшей цѣли, раскрѣпощенія страны, необходимо избѣжать всего, что можетъ породить расколъ въ рядахъ освободительнаго ополченія, а такой расколъ непремѣнно возникнетъ не тогда, когда будутъ задѣты классовые инстикты либеральной буржуазіи, а тогда, когда будутъ твориться тѣ попытки практической демократизаціи, которыя въ конечномъ счетѣ равны пониженію культурнаго уровня страны. Тѣмъ политическимъ группамъ, которыя такъ охотно вспоминаютъ о „реальномъ соотношеніи силъ", слѣдовало бы учесть тѣ протесты и то негодованіе, которые уже возбудили такія попытки, и отказаться отъ нихъ въ будущемъ.

Въ этомъ комплексѣ силъ есть одинъ факторъ, оцѣниваемый, можетъ-быть, не такъ легко и просто какъ остальные, но болѣе значительный, ибо болѣе опредѣляющій — это факторъ психологическій. Допустимъ, какъ говорится въ учебникахъ ариѳметики, „для простоты разсужденія", что изъ корана Маркса и катехизиса Каутскаго ни одной іоты не пройдетъ и что легатъ бога на русской землѣ, г. Ленинъ, въ полной мѣрѣ обладаетъ непогрѣшимостью.

Пусть они безусловно и абсолютно правы въ установленіи и принципіальныхъ основъ своего общественно-политическаго міросозерцанія и своей программы тактическихъ дѣйствій.

Что же изъ этого?

Правъ не тотъ, кто правъ вообще, а тотъ, кто правъ во время.

И Добрыня, который собирался крестить Русь мечомъ и огнемъ, и Торквемада, который жегъ на кострахъ мавровъ и еретиковъ ради ихъ вѣчнаго спасенія, и Маратъ, требо-

Библиотека "Руниверс"

вавшій только нѣсколькихъ сотъ тысячъ головъ для окончательнаго установленія на землѣ свободы, равенства и братства, и даже нашъ Аракчеевъ, надо полагать, тоже вполнѣ добросовѣстно желавшій облагодѣтельствовать мужиковъ военными поселеніями—всѣ они, конечно, совершенно искренно вѣрили, что они правы и что стоитъ только заставить всѣхъ думать и чувствовать такъ, какъ думали и чувствовали они сами — и этого достаточно, чтобы на землѣ осуществилась райская идиллія и потекли молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Вся бѣда и вся трудность въ томъ, что ни кострами, ни висѣлицами, ни гильотинами, ни бомбами невозможно заставить людей вѣрить и чувствовать иначе, чѣмъ они вѣрили и чувствовали раньше. Это можно сдѣлать только очень медлительнымъ и постепеннымъ измѣненіемъ всего душевнаго строя ихъ, и къ тому никакого другого способа нѣтъ.

Нужно имѣть огромный запасъ наивной жестокости или жестокой наивности, чтобы полагать, что насиліемъ можно измѣнить не только нѣкоторыя совершенно внѣшнія формы и условія существованія, но и психику, но и внутреннюю душевную жизнь.

А вѣдь въ этомъ же все существо дѣла!

Вѣдь, самое огромное и самое непреоборимое препятствіе, которое стоитъ на дорогѣ радикальныхъ реформаторовъ и мѣшаетъ воплощенію въ жизни ихъ схемы по методу „захватнаго права“ и иными диктаторско-бунтарскими пріемами, не военное положеніе, не усиленная охрана, а вся сумма навыковъ, настроеній, привычныхъ способовъ мышленія у индивидуумовъ и у массъ, словомъ, весь тотъ психологическій фондъ даннаго народа въ данную эпоху, который только очень наивно-вѣрующими людьми можетъ быть разсматриваемъ и третируемъ, какъ quantité négligeable.

И нечего негодовать на слѣпцовъ, не принимающихъ истиннаго вѣроученія!

Право человѣка на свое душевное содержаніе, на естественную именно для даннаго „я“ психологическую реакцію — есть священнѣйшее изъ всѣхъ правъ, даже болѣе священное, чѣмъ право на хлѣбъ и вообще на человѣческое существованіе. Въ этой сферѣ насиліе абсолютно нестерпимо; „не цѣпи дѣлаютъ раба, а рабское сознаніе“, и великій грѣхъ старыхъ и новыхъ вѣроучителей именно въ томъ и заключается, что, желая облагодѣтельствовать человѣчество

Библиотека "Руниверс"

по собственной схемѣ, они не останавливаются передъ покушеніемъ конфисковать у людей самое неприкосновенное и самое дорогое достояніе — ихъ психическую индивидуальность, и это, конечно, никогда ни старымъ, ни новымъ вѣроучителямъ не удавалось и не удастся: „надъ вольною мыслью Богу не угодны насилія и гнетъ, она въ душѣ рожденная свободно — въ оковахъ не умретъ".

Все это общія соображенія; переходя въ частности къ сегодняшнему историческому моменту, нельзя не отмѣтить съ чрезвычайнымъ сокрушеніемъ, что люди, искренней любви которыхъ къ народу было бы грѣшно не вѣрить, горящіе преданностью и вѣрностью своему соціально-политическому идеалу, все-таки приносятъ существо дѣла въ жертву революціонной формалистикѣ и неразсчетливо и политически безтактно отталкиваютъ отъ себя своихъ естественныхъ соратниковъ [1]) ради соблюденія въ чистотѣ всего бунтарскаго церемоніала.

Земля и воля — вотъ наказъ, данный думскому представительству многомилліонной крестьянской Россіей. Земля и воля — вотъ единственный лозунгъ, могущій умиротворить страну и вывести ее на путь новой свободной и великой жизни.

Не опасайтесь того, что буржуазія съѣстъ каштаны, которые вытаскиваютъ изъ огня крестьянинъ и рабочій.

Чистый буржуазный либерализмъ и на Западѣ изжилъ свои формулы, а у насъ въ Россіи, въ стомилліонной мужицкой Россіи — никакая партія, ни справа, ни слѣва, не имѣетъ никакого будущаго, если не поставитъ во главу угла экономическіе и правовые интересы этой широкой базы русской общественной пирамиды. И, наоборотъ, существуетъ огромный рискъ, что любая партія, даже политически реакціонная, если сумѣетъ насытить земельный голодъ крестьянства и освободитъ его отъ тѣхъ путъ, которыя всего болѣе въѣдаются въ его тѣло, можетъ, опираясь на него, задушить *„освободительное"* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова движеніе.

Между тѣмъ надо же понять, что, напр., свободы слова и печати, за которыя тогда, конечно, не встанетъ слишкомъ на 80% безграмотное крестьянство, есть все-таки не только

---

1) Прошу обратить вниманіе на то, что я рѣшительно избѣгаю слова „союзники". *Н. Б.*

Библиотека "Руниверс"

безотносительное и безусловное благо, но и естественное право человѣка и основное условіе всякой гражданственности, совершенно независимо отъ того, въ какихъ именно рукахъ находится власть и въ чьихъ интересахъ организовано государственное общежитіе, и что эти свободы въ равной степени необходимы какъ тѣмъ, кого публицистамъ изъ лагеря большевиковъ эс-дековъ угодно было, не скупясь на бранные эпитеты, обозвать „болтливой, чванной, самодовольной и ограниченной, трусливой буржуазной интеллигенціей“ [1]), такъ и сдержанному, джентльменски корректному, умному и храброму г-ну Ленину и, что важнѣе и выше его и насъ,—всей странѣ, всему народу, лишь малую дробь котораго составляемъ и мы, „ограниченная и трусливая буржуазная интеллигенція“, и вы, „революціонный до конца пролетаріатъ“.

И этому многомилліонному народу будетъ принадлежать рѣшающее сужденіе въ вопросѣ, кѣмъ именно представлены наиболѣе ярко, полно и настойчиво его подлинные интересы —„кислосладкими ли профессорами“, имена коихъ кн. Сергѣй Трубецкой, Максимъ Ковалевскій, Гредескулъ, Щепкинъ, Муромцевъ и мн. др., или вамъ, которые сотворили себѣ кумира изъ заводской трубы и анаѳематствуете, какъ подобаетъ истиннымъ сектантамъ, всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ вѣрить вмѣстѣ съ вами, что человѣчество увидитъ истинный свѣтъ только чрезъ фабричное окошко. Уже на другой историческій день послѣ 1848 года такіе же „негодные ни на что путное, кромѣ игрушечнаго парламентарнаго краснобайства“, борцы показали, „какъ умираютъ за 25 франковъ въ день“. Такіе же негодные и непутевые краснобаи слишкомъ за сто лѣтъ русской борьбы за политическую свободу—отъ Радищева до декабристовъ и отъ Герцена до народовольцевъ,—населяли тюрьмы и крѣпости, шли въ ссылку, въ изгнаніе, на каторгу и на эшафотъ. Стыдно и грѣшно забывать это!

Можетъ-быть завтра наступитъ тотъ историческій моментъ, когда отъ конституціонно-парламентарныхъ формъ борьбы придется перейти къ инымъ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ этотъ день, можетъ-быть, тоже завтра, на

[1]) Н. Ленинъ. I. с. Изъ той же брошюры его заимствованы и всѣ послѣдующія, взятыя въ ковычки, цитаты.

Библиотека "Руниверс"

рѣшительный приступъ далеко еще не сдавшейся твердыни самодержавнаго насилія и канцелярскаго безправія должны бы сомкнутою колонною двинуться объединенныя силы всѣхъ русскихъ оппозиціонныхъ элементовъ *).

И важно, поэтому, еще сегодня же громко и категорически заявить, что если этого объединенія не произойдетъ, то не по нашей винѣ,—не потому, что мы не торговали по митингамъ въ разносъ призывами къ вооруженному возстанію и не занимались, какъ особымъ видомъ спорта, побиваніемъ рекордовъ революціонной фразеологіи, а потому, что мы непрестанно памятуемъ, что междуусобная война и кровопролитіе на улицахъ допустимы и оправдываемы только тогда, когда, кѣмъ бы ни было поднято оружіе, большинствомъ или меньшинствомъ, но для всѣхъ и каждаго ясно и очевидно, что оно поднято во имя безусловнаго высшаго неоспоримаго общественно-политическаго принципа, каковы: свобода, право соціальная справедливость, а не ради, напр., обезпеченія торжества „неограниченной внѣзаконной, опирающейся на силу въ самомъ прямомъ смыслѣ слова" диктатуры кого бы то ни было, хотя бы и самодержавнаго пролетаріата. За это мы, конечно, на баррикады не пойдемъ и не изъ трусости, а просто потому что, какъ поется въ опереткѣ: „Si Barras est roi et Lange est reine — ce n'est pas la peine assurément de changer de gouvernement"

Съ насъ достаточно, сыты по горло! Неограниченная, внѣзаконная и опирающаяся только на силу власть намъ и всему многомилліонному народу, который за это въ противоположность „сознательнымъ" рабочимъ будетъ, вѣроятно, обозванъ „безсознательнымъ" **), въ достаточной мѣрѣ опостылѣла, и никакое самодержавіе, ни направо, ни налѣво, ужъ не дождется впредь, чтобы мы стали передъ нимъ шапки ломать, а тѣмъ паче преклонять колѣна.

---

*) Статья эта была сдана въ печать въ концѣ іюня, но историческія событія въ Россіи развиваются въ такомъ ускоренномъ темпѣ, что двухнедѣльный срокъ, очевидно, слишкомъ продолжителенъ для статьи на политическую тему. То „завтра", о которомъ говорится здѣсь, повидимому, уже наступило въ ночь на 9-е іюля.

Н. Б.

**) Въ числѣ побочныхъ продуктовъ производства русской революціи нельзя не отмѣтить появленія въ заурядномъ обиходѣ любопытныхъ и забавныхъ словечекъ, за которыя едва ли скажетъ спасибо будущій историкъ русской литературы.

Библиотека "Руниверс"

Знайте и помните: никакой аракчеевщины мы не допустимъ больше—ни черной, ни красной.

Мы не можемъ пойти съ вами на баррикады и потому также, что намъ совсѣмъ не представляется идеаломъ политическаго, государственнаго и культурнаго творчества, чтобы „народныя массы сами, со всей своей дѣвственною примитивностью и простой грубоватой рѣшительностью, начали творить исторію“, ибо если мы очень ясно представляемъ себѣ, какія этимъ „вихремъ“, этимъ „потокомъ“ могутъ быть разрушены и расточены культурныя цѣнности, созданныя въ теченіе вѣковъ на горбахъ того же народа и его же потомъ и кровью, то для насъ весьма проблематично и загадочно, что же этимъ вихровымъ методомъ государственнаго и общественнаго строительства будетъ создано и поставлено на мѣсто разрушеннаго и выкинутаго за бортъ?

А что этимъ вихремъ разрушены уже колоссальныя цѣнности и нанесенъ въ эту минуту еще неисчислимый ущербъ, ибо учесть его можно будетъ только въ будущемъ,—о томъ свидѣтельствуетъ та барбаризація страны, которой мы очевидцы; кто въ этомъ сомнѣвается, пусть заглянетъ въ наши среднія и высшія учебныя заведенія, пусть посмотритъ на то опустошеніе, которое произвели въ нихъ послѣдовательно 20 лѣтъ реакціи и 2 года революціи, и пусть оцѣнитъ тотъ багажъ общаго образованія и спеціальныхъ знаній, съ которыми придетъ на историческую сцену поколѣніе дѣятелей, имѣвшихъ несчастье учиться и готовиться къ работѣ въ теченіе этихъ лѣтъ.

Наконецъ мы, дѣйствительно, скептически относимся къ творческой силѣ „массоваго разума“, ибо такового массоваго разума, какъ реальной и дѣйствительной психологической силы, въ природѣ не существуетъ: есть массовыя настроенія, массовое безуміе, массовой аффектъ, массовыя психическія эпидеміи, массовая подражательность; въ точномъ научномъ смыслѣ слова о *массовомъ разумѣ* можно говорить, лишь имѣя въ виду тотъ общій минимумъ идей и понятій, религіозныхъ, моральныхъ и политическихъ принциповъ, который, путемъ наслѣдственности, преемственнаго воспитанія и длительнаго постояннаго внушенія отъ всей окружающей среды, внѣдрился въ мозгъ и нервы каждаго изо всѣхъ милліоновъ индивидуальностей, составляющихъ массу, вошелъ въ глубины ихъ психики, въ подсознательную

Библиотека "Руниверс"

область мышленія. Но такой массовый разумъ по существу своему консервативенъ и мизонеистиченъ; не онъ можетъ творить будущую исторію и пересоздавать жизнь на совершенно иныхъ новыхъ началахъ. Есть еще существенно важная, психологическая par excellence, причина, почему, какъ ни скорблю я объ этомъ, намъ въ этотъ рѣшительный день едва ли придется быть съ вами въ однихъ рядахъ,—это потому, что мы хотимъ дѣятельно творить новыя лучшія формы жизни и не можемъ, не изъ трусости, а изъ сознанія нашей отвѣтственности передъ страною, народомъ и исторіей, свести наше общественно-политическое дѣйствіе къ акту самосожиганія.

Мы не отрицаемъ ни вашей самоотверженности и готовности къ самопожертвованію, ни горячей преданности вашей идеаламъ, но мы не будемъ вашими подголосками въ ту минуту, когда вы, внуки по духу протопопа Аввакума, высовывая два перста изъ пламени горящаго сруба, будете кричать народу, который не этого ждетъ и не этого хочетъ: „сице вѣруйте! тако креститесь!“ Нужно сначала устранить всѣ эти не классовыя, а внутреннія противорѣчія между нами и вами, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ общее объединенное выступленіе.

Невозможнаго мы не просимъ: сохраняйте вашу психологическую индивидуальность, вѣруйте вашему богу, но, пока мы не дошли еще до перваго этапа, оставьте доктринерскіе споры и сектантскіе пріемы, не требуйте отъ русской исторіи, чтобы она совершила русскую революцію непремѣнно согласно установленному въ вашихъ каноническихъ брошюрахъ ритуалу, не оскорбляйте чужихъ боговъ — это ни къ чему, кромѣ раздробленія и озлобленія не поведетъ и не это теперь нужно, — и тогда, въ тотъ часъ, который уже близокъ,—нужно быть слѣпцомъ, чтобы этого не замѣчать!— вы увидите рядомъ съ вами и насъ, представителей „чванной и трусливой либерально-интеллигентной буржуазіи“, которой, слава Богу, не привыкать - стать жертвовать своею свободой и рисковать своею жизнью за великое дѣло раскрѣпощенія Россіи.

Н. Баженовъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"